

RU

Сходства и различия личного морального опыта ветеранов Вьетнамской и Афганской войн

Ведерников Г. А.

Аннотация. Цель исследования - выявить сходства и различия личного морального опыта ветеранов Афганской и Вьетнамской войн с опорой на мемуары, письма и устные интервью их участников. Данные военные конфликты в статье рассматриваются вне историко-политического дискурса Холодной войны. Основное внимание в статье уделяется личным переживаниям солдат и офицеров. Научная новизна работы заключается в реконструкции морального опыта и ощущений, с которыми столкнулись конкретные комбатанты США и СССР. В статье рассматриваются оправдательные механизмы, к которым прибегают комбатанты в ходе рефлексии пережитого экзистенциального опыта. В результате исследования доказано, что личная рефлексия ответственности солдата за совершенное насилие носит универсальный, вневременной характер, несмотря на разницу политического и культурного дискурса конкретных войн.

EN

Similarities and Differences in the Vietnam and Afghan War Veterans' Personal Moral Experience

Vedernikov G. A.

Abstract. The aim of the study is to identify the similarities and differences in the Afghan and Vietnam wars veterans' personal moral experience based on the participants' memoirs, letters and oral interviews. These military conflicts are considered in the article away from the historical and political discourse of the Cold War. The main focus of the paper is on the soldiers' and officers' personal experience. The scientific originality of the work lies in the reconstruction of the moral experience and feelings that specific combatants of the USA and the USSR faced. The article examines the exculpatory mechanisms that combatants resort to in the course of reflection on their existential experience. As a result of the study, it has been proved that a soldier's personal reflection of responsibility for the committed violence is universal, timeless, despite the difference in the political and cultural discourse of specific wars.

Введение

Опыт войны – всегда травмирующий опыт, причем абсолютно неважно, в какой роли человек принял участие в военных действиях: солдат, генерал, мирный житель, медик, военнопленный, сапер или разведчик. Ситуация совершения/избегания насилия является основным паттерном любых военных действий. Череда решений, принятых в ходе военных действий, решений, в которых жизнь и здоровье другого человека напрямую зависят от твоих внутренних моральных ориентиров, складывается в личный моральный опыт ветеранов войны. Каждый, кто принял участие в военных конфликтах в качестве комбатанта, то есть человека, который вправе (*jus ad bellum*) совершать насилие по отношению к противнику, был вынужден ставить перед собой ряд моральных дилемм в момент совершения насилия или в ходе рефлексии поступка: Ради чего я здесь? Имею ли я право убивать? Зачем эта война, кому она нужна?

Долг перед Родиной, защита близких от агрессии захватчиков – наиболее тиражируемый мотив ведения военных действий, который помогает классифицировать войны на оборонительные (справедливые) и захватнические (несправедливые). Борьба с неприятелем на своей территории всегда выглядит героически, ведь солдат становится защитником слабых и обездоленных, он должен преодолевать лишения (бытовые условия войны, болезни, ранения, смерть братьев по оружию, смерть близких и т.п.) стоически, как колосс. Таков медийный и идеологический образ комбатантов мировых войн XX века, а также национальных войн прошлого. Однако образ и суть войны постоянно развиваются и дополняются, вслед за техническим прогрессом. В ходе

эволюции войны выделились неклассические типы войн: «малая война», «партизанская война», «подпольная война», «террористическая война», участие в которых не может быть вписано в классический образ солдата-защитника. В современных войнах ощущения и опыт военнослужащего не совпадают с медийной репрезентацией событий, которую воспроизводят государство и общественность. Ярким примером подобного несоответствия образа войны и ее реальности являются Афганский и Вьетнамский военные конфликты.

Война в Афганистане 1979-1989 гг. и Вьетнамская война 1965-1973 гг. – наиболее крупные вооруженные конфликты с участием комбатантов СССР и США после окончания Второй мировой войны. Сегодня вполне очевидно, что данные войны явились следствием Холодной войны. Интервенция США во Вьетнаме стала продолжением восьмилетней колониальной войны, которую вьетнамский народ вел против Франции, а ввод ОКСВА (Ограниченный контингент советских войск в Афганистане) на территорию ДРА (Демократической республики Афганистан), прежде всего, был необходим для подавления Апрельской революции 1978-1979 гг. Официальные причины ввода комбатантов на территорию независимых республик теперь видятся ничем иным, как лозунгами и призывами остановить распространение заведомо «враждебной и ложной идеологии». Однако за трибунными заявлениями военных и политических лидеров скрываются реальные ощущения, боль, страхи и ужас войны, которые пережили солдаты и мирное население стран.

Актуальность данной темы обуславливается изменениями, которые происходят в системе международного военного права, а также неизбежной эволюцией войн от крупномасштабных конфликтов к локальным экономическим и политическим столкновениям, участники которых не напрямую выражают интересы крупных государств или компаний. Также актуальность темы подчеркивается фактом захвата Талибаном (запрещенной в России террористической организацией) власти на большей территории Афганистана в августе 2021 г. и нарастанием агрессии со стороны исламистских организаций в среднеазиатском регионе.

Поскольку данные военные конфликты произошли относительно недавно и относятся к современной военной истории XX века, нам удалось построить исследование на анализе личных дневников, писем и интервью с очевидцами тех событий. Количество литературных источников, научных работ, художественных и документальных фильмов, посвященных Афганской или Вьетнамской войнам, велико. Это связано с параллельным процессом развития института военной и гражданской журналистики, а также с нарастающей медиатизацией и информационной открытостью современного общества. Особенно ярко это проявилось в презентации Вьетнамской войны в книгах Филиппа Дэвидсона (2002), Гюнтера Леви (Lewy, 1980), Мэрилин Б. Янг (Young, 1991), Марка Боудена (Bowden, 2017), Ала Сантоли (Santoli, 1981), а также в современной книге Макса Хейстингса (2018). История Афганской войны знакома нам благодаря мемуарам и исследованиям ученых, военных и государственных деятелей позднего СССР и России: Б. В. Громова (1994), И. И. Андропова (1983), А. И. Лебеда (1995), Д. Л. Подушкова (2002), А. Б. Грешнова (2017), И. Д. Дауди (2020). Одними из ключевых текстов по истории и психологии войны Афганского конфликта являются монографии историка Е. С. Сенявской (1997, 1999).

В текстах вышеуказанных авторов присутствует историческая и политическая оценка конкретной войны, разбираются причины начала, а также последствия военных действий, однако отсутствует анализ личного морального опыта солдат (выделяются лишь публикации Е. С. Сенявской). Война рассматривается как событие сугубо общественное, но не личное. В большинстве опубликованных воспоминаний и сборников статей отношение комбатанта к ситуации войны строится по формуле: Солдат своей страны vs. Солдат противника = Военные действия. Данная логика исключает оценку экзистенциального опыта комбатантов, поскольку никакой иной социальный маркер, кроме национальной принадлежности и патриотизма, не рассматривается как мотивация для рядовых солдат и младших офицеров. Основным методом исследования – симптоматическое чтение, метод, разрабатываемый Петаром Бояничем (2019). Цель данного метода – реконструкция морального опыта и ощущений, с которыми столкнулся конкретный военнослужащий. Руководствуясь данным методом, мы поставили ряд задач: во-первых, выявить, какие регуляторы действовали на солдата в момент совершения/избегания насилия, во-вторых, понять, как происходил процесс принятия факта насилия после его совершения, в-третьих, выявить сходства и различия в моральном опыте ветеранов указанных войн.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные сходства и различия помогут глубже раскрыть проблему личного переживания опыта войны, что также может усилить комфорт ресоциализации ветеранов и снизить риски развития внутренних психических проблем военнослужащих.

Важно отметить, что темы Афганской и Вьетнамской войн носят разный уровень разработанности, на наш взгляд, это связано со спецификой развития советского и американского общества. Позднее советское руководство неохотно признавало поражение в Афганской войне и не могло представить убедительных аргументов, оправдывающих военные действия в Афганистане. Но несмотря на различия в уровне цензуры и стигматизации общественного пространства, воспоминания советских и американских солдат имеют схожие черты и лейтмотивы.

Основная часть

Комбатанты СССР и США с самого начала войны попадали в климатические условия, которые становились угрозой для жизни. «Нередки упоминания об обмороках и тепловых ударах у военнослужащих, особенно недавно прибывших в Афганистан. Также дискомфорт доставляли резкие перепады температур в дневное и ночное время суток, разница температур между равнинными участками и высотами, холод зимой...» (Гревцова, 2019, с. 85). Субтропический климат Афганистана разительно отличался от того, с чем привыкли иметь

дело уроженцы средней полосы России, Урала и Сибири. Большой временной промежуток закладывался только на адаптацию новобранцев к температурным условиям. Не менее тяжелая доля выпадала солдатам и младшим офицерам из Пенсильвании, Огайо или Нью-Йорка, для которых влажность тропического климата Вьетнама, с его обилием паразитов и вредных бактерий, была совершенно инородной. Во множестве интрузивно-американские и советские комбатантов фиксируется шоковое состояние от попадания в непривычные, агрессивные условия. Ими отмечается, что умения приспособиться к температуре, ливневым дождям или песчаным бурям значили не меньше, чем навык точной стрельбы, а также навык оказать первую медицинскую помощь.

Агрессивные климатические условия, а также неподходящее военное обмундирование послужили причиной больших потерь среди личного состава в первые годы Афганской войны. Большое количество комбатантов были убиты в результате засад и диверсионных операций моджахедов, но не меньше солдат и офицеров отравились грязной водой, заразились инфекционными заболеваниями или получили тепловой удар. В исследовании Т. Е. Гревцовой (2019) приводится описание личного бытового опыта И. А. Коноваленко, участника ОКСВА, служившего в Афганистане в 1983-1985 гг.: «Каждый котелок и ложка, ложку никогда не отдавал, ложка, она находилась при тебе, чтобы не заболеть, помыли, не помыли, от тифа, малярии. Ложка при тебе и чай, котелок... Всё время при тебе твои вещи, нет ложки, пришел, будешь голодный» (с. 87).

Ситуация войны резко контрастировала с «гражданкой», с теми принципами и социальными ролями, которые были знакомы с детства. Многие из служащих во Вьетнаме отмечали большую разницу между ожиданиями от военных действий и реальностью войны. Другая страна, другой язык и культура создавали ощущение постоянного кольца окружения и опасности. «На такой войне было почти невозможно понять, кто в настоящий момент твой враг. Дети – под подозрением, женщины – под подозрением. Зачастую арвины [армия и полиция Южного Вьетнама, союзники США], и те служили обеим сторонам» (Santoli, 1981, с. 56).

Военнослужащие в составе контингента СССР также описывали постоянное ощущение стресса и опасности. Для них мусульманская культура и высокогорная местность были фактором, который держал в напряжении и не давал расслабиться даже на территории военной базы. «В Афгане никуда не спрячешься». Ощущение чуждости окружающего мира, повсюду таящего опасность, присутствовало даже на уровне запаха: «Ну, когда туда приземлились на вертолетах, чужая страна, чужой запах, там ислам, всё чужое» (Гревцова, 2019, с. 84). Каждый куст, сопка, тенистый берег реки могли оказаться местом потенциальной засады, в ходе которой тебя либо убьют, либо возьмут в плен, что гораздо хуже. В книге «Человек на войне» Е. С. Сенявской (1997) опубликовано интервью майора С. Н. Токарева, в котором он описал зверства солдат лакшаре (ополчение Афганистана): «А вот с другой стороны, отношение к нашим пленным... Это была одна из первых моих операций, когда мы дня четыре по всему Герату, по провинции, гонялись за бандой, которая своровала двух наших солдат из мотострелкового батальона. Дня четыре мы день и ночь их искали и потом только трупы отбили. И впервые это зрелище... Глаза выколоты, уши отрезаны, все суставы в обратную сторону вывернуты, живот вспорот... К нормальному отношению к пленным это, конечно, не располагает» (Цит. по: с. 189).

В такой ситуации каждый из солдат снимал напряжение по-своему: кто-то устраивал полевой бассейн с холодной водой, кто-то разбавлял медицинский спирт, а кто-то употреблял легкие наркотики, которые в изобилии росли на территории ДРА. Множество солдат в Афганистане и Вьетнаме вели личные дневники, которые позволяли мысленно изолироваться от окружающей действительности. Так, в тексте Эла Сантоли (1981) передается внутреннее состояние Дугласа Андерсона, санитаря 3-го батальона 1-го полка морской пехоты: «Я пробыл в поле около девяти месяцев, и на меня начали накатывать приступы страха. Не знаю, доложил ли кто-то обо мне, что у меня начались эти приступы, нет ли, но, как бы там ни было, меня перевели в 1-ю госпитальную роту в Чулае. Там я забил на всё и три месяца пропьянствовал. Упаковку из шести банок пива я мог прикончить быстрее любого другого. Я начал чрезвычайно много пить» (Цит. по: с. 61).

Часто пьянством не ограничивалось, ветераны описывали чувство постоянной озлобленности и отрешенности, когда прежние моральные ориентиры утеряны, когда ты сам и окружающая тебя действительность вызывают лишь отторжение. «Однажды в батальонном расположении офицерская компашка смотрела кино. Я стал прямо перед экраном... и помочился перед всеми офицерами. Я был очень пьян, но нетрудно понять, что это был чисто демонстративный жест, проявление озлобленности, за что я был сурово наказан. После этого меня ещё дальше сослали в тыл» (Santoli, 1981, с. 62).

Подобные срывы – не редкость в полевых военных условиях, поскольку все существо претерпевает проверку, постоянное сопоставление своих поступков с лекалом универсальных моральных принципов. Пережитый экзистенциальный опыт рождал чувство фатализма, в ситуации войны индивид не мог управлять своей судьбой, своей жизнью. «Вот я сейчас сижу с ребятами, разговариваю, – я уверен, что увижу их через пять минут. А там я не был в этом уверен. Я посидел с ребятами, вышел из палатки, – бах! – РС упал. Я прихожу – никого нет... Вот это чувство было самое страшное для нас: ты не был уверен в том, что увидишь своих ребят, своих друзей, себя самого – через две, через три минуты, через десять, через пятнадцать секунд. Это было самое страшное. К такому привыкнуть невозможно» (Цит. по: Сенявская, 1997, с. 184).

Потеря пусть даже видимого контроля над жизнью расшатывала моральные ориентиры, ведь возможное наказание, внешнее (трибунал) и внутреннее (совесть), теперь не вызывало страх, военнослужащему легче было перешагнуть через себя и совершить что-то из ряда вон выходящее. Подобное чувство беспомощности и беззащитности вновь и вновь будет возвращаться к ветеранам в виде кошмаров и переживаний войны (флэшбэки).

Враждебная среда, во-первых, вынуждала приспосабливаться и меняться изнутри, во-вторых, заставляла отринуть прежние моральные принципы (добро, честь, милосердие, забота о слабом), поскольку противник

руководствовался совершенно иными принципами. Для моджахедов и армии Вьетконга это была борьба на выживание, а в такой борьбе все средства хороши: негуманное оружие (мины-лягушки), пытки и убийство военнопленных, нарушение договоренностей и вероломство. В итоге комбатанты США и СССР вынуждены были изменять уставу, вносить поправки в ход боевых действий и в собственную моральную рефлексию. Часто ветераны озвучивают схожий аргумент: «это была война, мы делали, что было должно». Те солдаты и офицеры, что не смогли отстраниться и вымарать травматичные воспоминания, крайне болезненно пережили ресоциализацию, особенно, когда на Родине их встречали как преступников и убийц.

Сама среда отторгала военнослужащих, вынуждая адаптироваться к рутине и повседневности. «Война, прочитанная через письма ее участников, предстает антиподом привычной картинки из учебника истории. Это не хронология побед и поражений войн, вызванных политическими и идеологическими установками, а тягостная повседневность, в которую втянуты люди, помимо своей воли, оторванные от дома» (XX век: письма войны, 2016, с. 266). Срывы, пьянство, злоупотребление наркотиками были реакцией на агрессивную внешнюю среду, но также они были проявлением когнитивного диссонанса комбатантов США и СССР: с одной стороны, официальная повестка – государственные СМИ, бравурные речи главы государства по ТВ и твой личный, внутренний патриотизм, воспитанный в семье и школе, а с другой стороны, реальность бедной отсталой страны и её жителей, которые кажется не имеют никакого отношения к войне. «Отсутствие ясного и четкого понимания целей пребывания советских войск в иностранном государстве приводило к резкому снижению морального духа личного состава контингента, что, в свою очередь, влекло за собой многочисленные нарушения закона по отношению как к местному афганскому населению, так и к сослуживцам» (Фоменко, 2013).

Зачем мы воюем в чужой стране? Индивидуальная рефлексия по поводу войны, взрывов, выстрелов и убийства Другого проявлялась далеко не в каждом высказывании, ветераны обеих войн по-разному описывают свой моральный опыт, по-разному оценивают свой вклад в войну. Кто-то демонстрирует стоическую выдержку и терпение в оценке личных переживаний и политических мотивов государства, которое отправило его на эту войну. «Юные морпехи, с которыми я служил, думали тогда, что делают то, что положено. Никто их не просвещал по поводу тогдашних политических моментов. Мы шли в морскую пехоту с теми же чувствами, что испытывали отцы наши и деды, отправляясь служить. И не нашлось рядом никого, кто рассказал бы нам, что мы поступали неправильно. И то, что позднее выяснилось, что все там погибли зря, или что большая часть американской общественности полагает, что погибли они зря, – это никак не даёт мне покоя. Но я так считаю: раз уж ничего с этим не поделаешь, то пытаюсь катиться себе дальше с грузом этим» (Santoli, 1981, с. 28).

Иные описывают свое участие в явно негативном ключе, декларируя позицию пацифизма, игнорируя и очерняя государственную репрезентацию образа патриота-героя, который защищает свое Отечество: «...мы все обречены или на глупую смерть, или, на худой конец, пьянство. Еще полгода, и мы будем бросаться на те вещи, на которые раньше не обращали внимания. Наши умы просто психологически гибнут. Нет, не от перенапряжения, а от недостатка духовной пищи. Мы будем наносить ущерб на Родине, дома, если не поймем того, что являемся свободными гражданами и в прошлом – защитники своей Родины. К сожалению, этого мы, видимо, не поймем... Живешь и не знаешь, из какого угла тебя подстрелят, как утку охотник» (Афганистан болит в моей душе..., 1990, с. 97).

Афганская и Вьетнамская войны – пример ассиметричных войн, когда одно технологически более развитое государство вмешивается во внутреннюю политику другого, менее развитого. Это обстоятельство неизбежно влияло на способ ведения военных действий со стороны командования, а также на ощущение течения войны для самих военнослужащих. Если Великая Отечественная война предстает тотальной, всепроникающей средой, в которую был вовлечен каждый солдат и каждый житель страны, принявшей участие в этой войне, то «малые войны» Афганистана и Вьетнама лишаются статуса сакральности и жертвенности по отношению к Родине и близким. В сборнике «XX век: письма войны» (2016) опубликована переписка ветерана Афганской войны Валерия Польского. В письмах другу Валерий описывает войну как работу, но не жертву ради великого Блага. «Здравствуй, дорогой Гена. Большое спасибо за письма. Хоть они скрашивают мою серую бытность, вносят немного радости. У нас все без изменений. На войне теперь разведгруппы ходят только с броней, конечно, кроме нашего батальона... Я уже вконец замучился сидеть в штабе. Кругом бессмысленные горы никому не нужной бумаги. Сколько людей занимается бесполезной и ненужной работой!» (с. 99).

«Малая война» ставилась на паузу каждый раз, когда военнослужащий возвращался из патруля или рейда, каждый раз, когда командование выдавало отпуск, чтобы съездить домой, повидаться с родными и близкими. Зачем эта война? Зачем я в ней участвую? Опыт войны переживался как неизбежность, которую нужно перетерпеть, перебороть, а затем уехать домой, вернуться к прежней жизни. «В условиях войны социально-психологическая дихотомия “свой – чужой” оборачивается превращением нравственного императива “не убий!” в категорическое требование социума к личности: “убей врага!”. Выживание социума ставится выше ценности человеческой жизни, в данном случае – представителя чужого, враждебного социума» (Сенявская, 1999, с. 288).

Солдаты разным образом принимали участие в войне – кто-то вел активные боевые действия, постоянно встречаясь с врагом, а кто-то лишь занимался снабжением и поддержкой войск. Примечательным является опыт службы санитаров и военных врачей США, которые часто помогали местному населению, поскольку рядовые вьетнамцы находились под постоянным давлением, ежедневно подвергались запугиваниям и поборам, как со стороны США, так и со стороны Вьетконга. «Самое яркое воспоминание о той деревне – одна старуха. Однажды мы ей помогли, когда она страдала от страшных болей. Она потом пришла и привела других членов своей семьи,

а когда мы появились там в третий раз, она пригласила меня к себе пообедать. Поэтому каждый раз, как мы туда приходили, я всегда с ними обедал. И вот я увидел, как солдаты забрали её, её родных, пару свиней и куриц, что у них были, – а было их не очень много, – и грузят в “Чинук”. Она подбежала ко мне, обняла и просила что-то сделать. Ничего я сделать не мог. И вот тогда я начал по-другому относиться к той войне» (Santoli, 1981, с. 35).

Совершая еженедельное патрулирование деревень, некоторые солдаты начинали испытывать сочувствие к местным жителям, которые, на первый взгляд, не имели никакого отношения к войне и становились жертвами, «сопутствующим ущербом» боевых действий. «Вот что ещё вспоминается. Мы передвигались по району с рисовыми чеками на бронетранспортёрах – само собой, когда гусеничные машины идут через рисовый чек, это вам... Сколько же труда они вложили, ухаживая за рисом и возводя насыпи, оросительную систему, всё прочее – и всё это вручную. Машин ведь у них не было. Землю для строительства таскали корзинами, по одной за раз, и всё там было сделано руками целых поколений. А мы продираемся себе через всё это и разрушаем всё напрочь. И вот стоит там крестьянин, топчет ногами собственную шляпу и колотит себя кулаком по голове. То есть, в самом деле, это как если бы все его акции, ценные бумаги, и будущее его, и “Мерседес” его, и мечты о будущем его детей – проехали мы там, и за три-четыре минуты обратили всё это в чёрт знает что» (Santoli, 1981, с. 37).

Как определить врага на войне? Неужели бедные крестьяне и ремесленники могут без причины стать врагом? Принцип талиона, распространённый в традиционалистском обществе Афганистана, обязывал каждого жителя аула, каждого члена племени мстить за убийство «своего», данный принцип, работающий как домино, препятствовал скорой деэскалации конфликта. Все же стоит отметить, что местное население оказалось втянуто в военный конфликт по территориальному признаку, поскольку правительства СССР и США легитимизировали ведение военных действий на территории Афганистана и Вьетнама соответственно.

М. В. Фоменко (2013) отмечает: «...участники войны [в Афганистане], пусть и не без исключений, почти обыденно воспринимали многочисленные случаи жестокости, унижений, расправ над пленными и мирным населением. Подобное отношение можно встретить не только у тех, для кого военное ремесло было лишь одной из профессий. Неприятие совершенно непривычных молодым ребятам из СССР местных обычаев, постоянное ощущение опасности и неуверенности в следующем шаге заставляло вчерашних школьников и курсантов меняться как внешне, так и внутренне». Комбатанты СССР и США вынуждены были оправдывать совершение насилия политической повесткой, приказом начальника, а также трансцендентальным мотивом защиты Родины и солдатского братства. «Другой» *a priori* оказывался врагом, еще до столкновения с ним, еще до момента пережитого насилия, еще до того, как меня или моего товарища ранили/убили. Но уже *a posteriori* претерпевания комбатантом насилия со стороны «Другого» возникало чувство мести за близкого и дорогого человека, сослуживца, друга. В этот момент сложная моральная дилемма гражданина «большого», «сильного» государства, несущего культуру и цивилизацию «варварам», трансформировалась в банальную реализацию принципа талиона. Например, я воюю с моджахедами, потому что они обезглавили моего сержанта. Или я воюю с Ви-Си, потому что они подложили гранату под труп сослуживца, который я собирался доставить домой и похоронить с воинскими почестями, ведь именно так поступали воины прошлого.

Общие навыки ведения боя: движение цепью, разделение на небольшие взводы, быстрое создание огневых точек, вызов поддержки с воздуха, а также постоянная радиосвязь с командованием для координации действий, – воспроизводились молодыми солдатами как по учебнику, однако шок войны выходил за рамки шаблонов. «Я шёл в задних рядах, потому что я был ротным радистом и тащил рацию командира роты. Когда глядишь на такое своими глазами – просто дух захватывает. И облачка серого дыма повсюду вспыхивают. Сначала до меня не доходило – я подумал: “Интересно, что это за облачка серого дыма такие... Чёрт! Это же от миномётов!” Господи, всё прям как в кино было. Перед моими глазами все эти ребята шли, рассыпавшись, сквозь миномётный огонь» (Santoli, 1981, с. 20).

Ключевые навыки выживания в условиях горной местности Афганистана или джунглях Вьетнама военнослужащие СССР и США получали непосредственно от старших товарищей. «Например, существовали негласные запреты укрываться за бронетехникой, так как она первая попадала под обстрел, предписания прятаться не за камнями, а между ними, поскольку в противном случае боец подставлял спину врагу, офицеры старались в горных условиях не носить знаков отличия и т.д.» (Гревцова, 2019, с. 89).

Командования воинских контингентов США и СССР готовились к своим войнам, налаживали контакты с местными политическими лидерами, внедряли шпионов и вербовали двойных агентов, однако армии обеих стран оказались не готовы нивелировать сложности быта, которые возникли у комбатантов. Новобранцы, прибывшие в Афганистан, получали «в наследство» экипировку, которая была жизненно необходима в тех условиях: кроссовки, панамы, разгрузочные жилеты. «Ещё у нас толком не было “лифчиков” (разгрузочных жилетов) – мы брали плавательные жилеты, там такие секции с ватой в полиэтилене – вот эту фигню мы от туда выкидывали и запихивали туда автоматные рожки» (Гревцова, 2019, с. 90).

Ветераны Вьетнама описывают схожие трудности быта, а также нетривиальные решения, которые они находили в полевых условиях. «“Собачья постромки” – вот о них мы обычно мечтали, это такие наплечные ремни. Армейские, широкие – для переноски тяжелых грузов. На той войне приходилось таскать на себе огромные тяжести. Больше патронов брали – новое оружие способно расходовать настолько больше боеприпасов, что приходится иметь при себе настолько же больше патронов – плюс новые осветительные ракеты и всё прочее. Всё это весило не на шутку тяжело, и ляжки от устаревших ранцев врезались в спину» (Santoli, 1981, с. 76).

Повседневный быт военнослужащих заключался в первую очередь в рутинных процессах соблюдения гигиены и добычи воды. «Вода была важнее еды, а иногда важнее боеприпасов. Другим способом обеззараживания

воды [кроме антисептика Пантоцида] стало ее кипячение с местным растением – «верблюжьей колючкой» (Гревцова, 2019, с. 86).

Логика заботы бывалого солдата по отношению к новобранцам сравнима с поведением родителя, он стремится передать все знания, навыки и предметы, которые были необходимы ему самому для выживания в ситуации войны, «новому поколению». После демобилизации самодельное оборудование уже не пригодится, оно имеет смысл только на войне. Пережитые ощущения страха, тревоги также «переносятся» от старшего сослуживца к младшему. Экзистенциальный опыт нивелирует «дедовщину» и пренебрежительное отношение, ведь каждый из ветеранов знает, с чем придется столкнуться новичкам и стремится оградить их от этого. Схожие ощущения уже прожиты «старослужащими», они знают, что опасность столкновений с врагом и опасность смерти реальны. Также опытные военные уже пережили рефлексии несовпадения ожидания и реальности войны, они точно знают, что общественное представление о войне не соответствует действительности, поэтому стремятся защитить новобранцев всеми доступными способами. «“Все, – командир говорит, – Вы – дембеля, ребята, отслужили...”». А мы все подошли к штабу, строем, красиво, все как положено в армии, послали делегатов туда к командиру, попросили командира выйти, командир был в должности капитана первого ранга, полковник, он вышел, и мы ему сказали: “Товарищ командир, ну нельзя ребят молодых посылать, они не готовы, давайте мы сходим вместо них”. А он: “Я не имею права, я не буду, ребята, ни морального, никакого”. Уже домой, все уже фактически настроились, что в мае мы должны быть дома, тут осталось месяц-полтора. Мы все уже стояли с рапортами, у каждого рапорт был написан, что мы сбежим, пойдем сами [на боевую операцию] вместо молодежи. Тогда я первый раз увидел, как у взрослого мужчины слезы в глазах стояли. Командира убедили, и вперед бойцы полетели» (Челпанова, 2019, с. 289).

Ветераны Афганской и Вьетнамской войн отмечают возникшую связь и простоту в общении со старшими родственниками – дедами и отцами. «Например, по возвращении домой многие бывшие комбатанты ощущали большую духовную близость со своими дедами – ветеранами Великой Отечественной войны, чем с не видевшими “настоящей войны” отцами. “Рассказывал только одному человеку [об Афганской войне], я сразу говорю, дед Великую Отечественную войну пробыл, от Сталинграда дошел до Ростова... И вот мы можем, могли, вернее, целый день сесть и ля-ля-ля, он свое рассказывает, я свое, и вот как-то мы друг друга понимали”; “у нас же, например, деды прошли Великую Отечественную войну... Конечно, когда мы призвались, нам интересно было, как они прошли”» (Гревцова, 2019, с. 84).

В данном случае опыт военных операций, а тем более опыт убийства, увиденного или совершенного, служит социальным маркером, который до этого сложно вписывался в общественный дискурс и который не поддавался описанию через механизмы естественного языка. Еще более сложный конструкт Второй мировой (а в случае СССР – Великой Отечественной) войны, хранимый в памяти выживших, нашел отклик в ветеранах уже новой «малой горячей войны».

Схожесть между опытом ветеранов Вьетнама и Афганистана подчеркивается этой обоюдной сопричастностью к более великому опыту ветеранов Второй мировой войны. Разность момента совершения насилия и претерпевания насилия смыкается на факте пережитого ужаса, который не поддается измерению и не может быть выражен как некая дискретность. Не существует и не может существовать шкалы пережитого насилия или причинения оно, ведь насилие, пусть и может быть выражено по-разному в индивидуальном восприятии, в исторической хронологии, в темпоральности войн человеческих, выглядит всегда «просто насилием». «Все войны разные и одинаковые одновременно. Существует распространенный миф, по крайней мере в США, что война во Вьетнаме была сопряжена с беспрецедентными ужасами, которые так ярко живописуют ветераны в своих бесчисленных мемуарах. Но любой, кому довелось пережить Пунические войны между Римом и Карфагеном, Тридцатилетнюю войну в Европе, вторжение Наполеона в Россию или битву на Сомме в 1916 г., посмеялся бы над утверждением, что война в Индокитае была значительно худшим опытом» (Хейстингс, 2018, с. 10).

Жестокость войны, причинение неоправданного насилия постоянно сопровождали комбатантов США в ходе Вьетнамской войны. Кто-то избегал данную жестокость, другие же с большей охотой пользовались своей силой. «Там такие гады порой попадались и действовали под тем же флагом, что и я. Некоторые убивали мирных жителей просто потому, что любили пострелять по движущимся объектам. На каждом шагу попадались типы из разведки, что нарисуют красные линии на карте и говорят: “На этой стороне наши, а на той – противник. Туда и бейте”. Чушь. По обе стороны той линии – крестьяне, живут на полях своих предков и ни черта не знают ни о какой войне. Попадалась и такая мразь – усядутся в корме самолёта “Берд дог” и летят пострелять крестьян на рисовых чеках, возвращаются – улыбки до ушей...» (Santoli, 1981, с. 42).

Примечательно, что примеры избиения и пыток солдат Вьетконга с целью узнать какие-либо разведданные приводились в подавляющем большинстве случаев солдатами АРВ, то есть, самими вьетнамцами. Жесткая религиозная и этническая демаркация, проводимая самими жителями Вьетнама, не позволяла выстроить прочные общенациональные отношения. Мнимая идеологическая борьба коммунизма и капитализма на практике сводилась к неоправданной жестокости и грубости – следствие ксенофобии и бытового шовинизма. В книге Ала Сантоли приводится оценка Джоном Мюиром взаимоотношений АРВ и военного контингента США: «Мы с неохотой пользовались услугами переводчиков из АРВ [союзные войска Южного Вьетнама], потому что их методы допроса состояли в том, чтобы долбануть человека по макушке револьвером или отстрелить ступню, после чего спросить: “Ты Ви-си?” Тот говорит “нет”, и тогда – БАХ! “Ты Ви-си?” Рано или поздно, потеряв определённое количество кусков тела, человек говорил “да”, и тогда его пристреливали, потому что он, понятное дело, после этого становился виновным» (Santoli, 1981, с. 23).

Американские солдаты испытывали к военнопленным Вьетконга и населению Вьетнама больше сочувствия и милосердия нежели сограждане, воевавшие на другой стороне. После столкновения с подобным «врагом» и погружением в повседневный мир обычного вьетнамца (нищета и голод) комбатанты США часто жалели и старались помочь тем, кто был безоружен, ранен и не представлял опасности. Их личные моральные принципы отличались от принципа кровной мести, поскольку они понимали, что воюют не в своей стране, сжигают не свои дома, стреляют в противника, который порой воюет вилами.

Превосходство и сила, которые придает автоматическая винтовка (и оружие в целом), являются следствием не только экономического, но и технологического превосходства. Войны во Вьетнаме и Афганистане показали, что эволюция личного автоматического вооружения пехотинца становится фактором успеха в локальной стычке, когда один комбатант встречается лицом к лицу с другим комбатантом (Ульянов, 2015). «Это ощущение силы, когда направляешь ствол винтовки на человека и думаешь: “Ух ты, я ведь могу в нём дырку проделать”. А когда и в самом деле дырку в нём делаешь – это тоже нечто. Необязательно чувствуешь себя от этого нехорошо; гордишься, особенно если это один на один, и у него есть шанс. Это вызов на бой. Это охотничий азарт» (Santoli, 1981, с. 83).

Взгляд на войну через призму эволюции вооружения создает видимость разницы между национальными войнами XVIII-XIX веков и военными конфликтами второй половины XX века. Однако разница между этими военными столкновениями является лишь контекстуальной, политической, но никак не личностной. Индивидуально каждый солдат оставался один на один в момент принятия морального выбора причинения/непричинения насилия Другому. Уже после завершения войны и возвращения военного контингента домой личный моральный опыт дополнялся рефлексией по поводу отношения к демобилизованным тех, кто не был на этой войне. Изъятые из ситуации войны ветераны вынуждены были проходить ресоциализацию в общественное пространство на фоне травмирующих реперезиваний (флэшбэков).

Очевидно, что медийный образ Афганской войны отличается от медийного образа войны во Вьетнаме. Публикации, дневники и интервью на тему личного опыта войны в ДРА и отношения советского военного контингента к гражданскому населению Афганистана до 1991 г. практически полностью отсутствуют, однако в изобилии публиковались и публикуются аналитические исследования влияния данного конфликта на современную геополитическую обстановку в мире и роль России в ней. Это показательный момент, поскольку здесь мы фиксируем различие в репрезентации морального опыта ветеранов двух войн. Афганская война находилась в тени политической повестки и государственной интерпретации интернационального опыта ОКСВА. Многие солдаты и офицеры Афгана держали в тайне от родных, что находятся на территории другого государства и участвуют в боевых действиях. В своих письмах другу, опубликованных в сборнике «XX век: письма войны» (2016), рядовой В. С. Бадма-Горяев тщательно подбирает слова и выражения, когда речь заходит об описании военных действий и причинах начала войны: «Извини, что так долго не писал. Времени не было. Сейчас появилось. Раньше нельзя было, а сейчас можно писать. Дело в том, что, ты знаешь, контингенты Советских Вооруженных сил по просьбе правительства ДРА [Демократической Республики Афганистан] были введены на территорию ДРА для помощи в борьбе против контрреволюции и внешней интервенции. Вот я и нахожусь там. Только ты там моим не болтай. Если родичи узнают, они с ума сойдут, я им еще не писал, и писать не собираюсь ничего» (с. 235-236).

Вся полевая почта подвергалась цензуре, в каждом подразделении находился политический руководитель, который следил за настроениями и идеологической устойчивостью солдат и офицеров. Национальное телевидение, газеты, журналы СССР сообщали об успешно проведенных операциях, публиковали благодарности народа Афганистана за введение интернационального контингента. Переживание опыта войны оставалось за кадром: сообщать о реальной ситуации в Афганистане было запрещено, а делиться личными ощущениями (страх, одиночество, отрешенность) было не принято, поскольку они могли быть восприняты как жалобы и нытье.

Ключевым различием проживания ответственности за войну между американскими и советскими солдатами является степень открытости военного командования США по сравнению с командованием СССР. В рамках российского, советского описательного дискурса не положено с заботой и жалостью относиться к «врагу». «Ни в одном вооруженном конфликте ни до, ни после вьетнамской войны репортеры, операторы и фотографы, многие из которых были ее убежденными противниками, не пользовались таким беспрецедентным правом свободного передвижения на военных самолетах и вертолетах. Относительная американская открытость, резко контрастирующая с секретностью коммунистов, на мой взгляд, свидетельствует в пользу некоторого морального превосходства Америки» (Хейстингс, 2018, с. 11).

Позиция силы армии США, которая зиждилась на технологическом, экономическом и военном превосходстве, понесла большой «урон» от обнародованных фотографий и журналистских репортажей, нежели от прямых столкновений с армией Вьетконга. «В отличие от американских архивов, в которых вряд ли остались какие-то важные секреты, архивы Ханоя, без сомнений, хранят множество мрачных тайн. Либеральная Америка, занимающая почти мазохистскую позицию, манипулирует историографией с той же ловкостью, что и урапатриотические консервативные ревизионисты» (Хейстингс, 2018, с. 12). «Антивоенное движение стало одним из основных факторов, оказавших влияние на решение правящих кругов США вывести войска из Индокитая и заключить Парижские мирные соглашения» (Иванов, 2014, с. 92). В советской/российской историографии отсутствуют дискуссии о пользе и вреде, правильности и ошибочности применения насилия военнослужащим по отношению к мирному населению и комбатантам противника. Обнаруживается тенденция если не к табуизации, то к «избеганию» описания личного экзистенциального опыта советских ветеранов Афгана.

Общественное осуждение Афганской войны наступает вследствие смены политической парадигмы и ухода от ценностей империализма с распадом СССР. Вина за войну вменяется афганским ветеранам «сверху», как ранее вменялся долг участия в данном конфликте. Для многих советских ветеранов Афганистан стал отправным пунктом в формировании ценностного отношения личности к социальной и политической обстановке позднего СССР: «...многие вещи мне как гражданину, они мне не нравятся, но сделать я ничего не могу, поэтому... Что могу, то делаю, вот экземпляр сзади стоит [указал на вошедшего сына и смеется]. Они пришли заниматься в клуб, у нас [есть] военно-патриотический клуб “Рубеж” кроме “Русича” [военно-патриотического клуба]. <...> Я как пограничник, мы организовали такой клуб “Рубеж”, они [молодые ребята] повырастали... пока плохого слова от них ни от кого не слышал, поэтому это тоже какой-то показатель» (Челпанова, 2019, с. 286).

В данном примере, как и во многих других, обнаруживается избегание ветеранами Афганистана «неприличной» и очень интимной темы личного военного участия. Большинство бесед, интервью с ветеранами войны в Афганистане заканчивается неизбежной попойкой, поскольку откровения с другими и с самим собой вызывают травматические воспоминания (флэшбэки). «Солдаты Афганистана, вернувшись домой, узнать свою страну не могут – слишком изменились они, слишком изменилась она. Они уходят воевать, вдохновленные рассказами о воине-освободителе, коллективном образе, транслируемом старшим поколением. Они возвращаются разочарованными и опустошенными в страну, которая, как оказалось, их “туда не послала”» (<https://charaev.media/articles/9039>).

Наиболее привлекательно различие репрезентаций внутренних переживаний ветеранов Вьетнамской и Афганской войн в медиасреде выразил филолог, кинокритик и редактор журнала «Сеанс» Андрей Карташов: «Вьетнам стал первой в истории “телевизионной войной”, пришедшей в каждую гостиную» (<https://charaev.media/articles/9072>). На наш взгляд, это значимое различие в формировании личного морального опыта ветеранов Вьетнамской и Афганской войн. В одной стране – максимально закрытый и табуированный дискурс, в котором невозможно обсуждение экзистенциального кризиса личности и ПТСР, возникших в результате опыта войны. В другой стране – открытость СМИ и живое вмешательство общественных организаций в политическую повестку (Фельдман, 2020). Вьетнамская война послужила импульсом к появлению новой волны голливудских фильмов с мрачными, избыточно реалистичными сюжетами и травмированными героями: «Таксист» (1976), «Охотник на оленей» (1978), «Апокалипсис сегодня» (1979), «Взвод» (1986), «Цельнометаллическая оболочка» (1988) и др. Художественное переосмысление Афганской войны как непреодолимого экзистенциального испытания станет возможно только в перестроечной (а далее и современной) России, в фильмах: «Нога» (1991), «Афганский излом» (1991), «Мусульманин» (1995), «9 рота» (2005), «Груз 200» (2007), «Братство» (2019) и т.п. Интересно, что наиболее яркие, реалистичные и жестокие кинокартины американских режиссеров станут культовыми и будут иметь однозначно положительную оценку как со стороны зрителей, так и со стороны официальных лиц государства. Напротив, выход в прокат современных фильмов о войне в Афганистане и позднем СССР: «Груз 200» (2007) Алексея Балабанова или «Братство» (2019) Павла Лунгина, – даже через 25-30 лет был воспринят зрителями очень болезненно и вызвал общественный резонанс. Общим для ветеранов обеих войн является столкновение с трансформацией общественной оценки их участия в военном конфликте. Каждый из новобранцев отправлялся на войну по зову Родины, каждый исполнял свой Долг, стремился выжить сам и защитить брата по оружию, но каждая из войн вскрыла внутренние проблемы государств, жертвами которых оказались ветераны военных конфликтов.

Заключение

Темы Афганской войны и войны во Вьетнаме крайне неудобные, они лишены однозначной интерпретации и оценки, поскольку события произошли совсем недавно. Но несмотря на различия в степени огласки и открытости для медиа опыта советских и американских ветеранов, обнаруживается их явное сходство в рефлексии и переживании личного морального опыта.

В момент принятия решения о совершении насилия по отношению к «Другому» очень много зависело от того, насколько солдат был истощен физически и психологически. В зависимости от наличия пережитого опыта потери братьев по оружию, полученного ранения или изнуряющего марш-броска выстраивались личные моральные регуляторы. Каждый комбатант находился в рамках уникального идеологического дискурса, но данный факт переставал играть значимую роль, когда он сталкивался с невыносимыми климатическими условиями, или когда его жизнь оказывалась в опасности. В ситуациях экзистенциального выбора: один на один с врагом, один на один со смертью, один на один с совестью, – ветераны были вынуждены самостоятельно конструировать оправдание своих действий и экстраполировать ответственность за отдельные поступки на суть войны в целом.

Логика поиска трансцендентальных оправданий защиты Отечества в духе солдат Второй мировой войны разбивалась об общественное осуждение и клеймо убийцы невинных жителей бедной, отсталой страны. Однако это не могло помешать ветеранам Вьетнама и Афганистана найти общий язык с ветеранами мировых войн, поскольку факт совершения/избегания насилия, а также рефлексия ответственности за собственные поступки носят универсальный, вневременной характер.

Проведенное исследование показало, что несмотря на разницу в политическом и медийном дискурсе США и СССР, личный моральный опыт комбатантов разных стран выглядит схоже. Тяжелые погодные условия, агрессивная внешняя среда, осуждение со стороны общественности, а также тяга быть сопричастным опыту ветеранов мировых войн объединяют солдат Афганской и Вьетнамской войн. Объединяет, прежде всего, не как военнослужащих, но как людей, переживших травмирующий опыт войны.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00240).

Источники | References

1. XX век: письма войны. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
2. Андронов И. И. По волчьему следу. М.: Правда, 1983.
3. Афганистан болит в моей душе... Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М.: Мол. гвардия, 1990.
4. Боянич П., Черепанова Е. С., Давлетшина А. М., Ильченко М. С., Копривица Ч. Д., Круглова Т. А., Меньшиков А. С., Луников А. С., Сатыбалдина Д. К., Тейтельбаум Е. С., Язовская О. В. Война и ответственность в рефлексии интеллектуалов (1918-1938): коллективная монография. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019.
5. Гревцова Т. Е. Повседневность Афганской войны (1979-1989 гг.) в воспоминаниях ее участников // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 3.
6. Грешнов А. Б. Афганский перевод. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017.
7. Громов Б. В. Ограниченный контингент (советские войска в Афганистане). М.: Прогресс: Культура, 1994.
8. Дауди И. Д. В круге Кундузском. М.: Delibri, 2020.
9. Дэвидсон Ф. Б. Война во Вьетнаме. М.: Изографус; Эксмо, 2002.
10. Иванов В. В. Антивоенное движение в Соединённых Штатах Америки как политический фактор окончания интервенции в Индокитае 1964-1975 гг. // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского: сборник докладов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2014.
11. Иванов В. В. Войны в Афганистане и Вьетнаме (сравнительный анализ) // Россия и АТР. 1999. № 4.
12. Лебедь А. И. За державу обидно.... М.: Редакция газеты «Московская правда», 1995.
13. Подушков Д. Л. Исповедь самому себе (об участии в боевых действиях в Афганистане). Вышний Волочёк, 2002.
14. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.
15. Сенявская Е. С. Человек на войне: историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997.
16. Ульянов А. А. К вопросу о современной концепции личного стрелкового оружия // Национальная безопасность. 2015. № 3.
17. Фельдман А. Д. Деятельность американского студенческого движения и его влияние на ход Вьетнамской войны (1964-1973 гг.) // Вестник БГУ. 2020. № 2 (44).
18. Фоменко М. В. Афганская война в восприятии участников и очевидцев (на основе интервью ветеранов боевых действий - жителей Тверского края) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8417>
19. Хейстингс М. Вьетнам. История трагедии. 1945-1975. М.: Альпина Диджитал, 2018.
20. Челпанова Д. А. Воспоминания ветерана Афганской войны 1979-1989 гг.: интервью с Игорем Николаевичем Безбородых (часть I) // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 3.
21. Bowden M. Hue 1968. A Turning Point of the American War in Vietnam. N. Y.: Grove Press / Atlantic Monthly Press, 2017.
22. Lewy G. America in Vietnam. Oxford - Toronto: Oxford University Press, 1980.
23. Santoli A. Everything We Had: An Oral History of the Vietnam War. N. Y.: Random House, 1981.
24. Young M. B. The Vietnam Wars 1945-1990. N. Y.: HarperCollins, 1991.

Информация об авторах | Author information

Ведерников Георгий Андреевич¹

¹ Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Vedernikov Georgy Andreevich¹

¹ Ural Federal University, Ekaterinburg

¹ georgy.vedernikov@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.08.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): моральный опыт; Вьетнамская война; Афганская война; этика войны; современные войны; moral experience; Vietnam War; Afghan War; ethics of war; modern wars.